

6. Case C-446/03 Marks & Spencer Pic v David Halsey (HM Inspector of Taxes), ECJ, 13 December 2005.

7. Hofstätter/Hohenwarther-Mayr, The Merger Directive, in: Lang u. a. (Hrsg.), Introduction to European Tax Law: Direct Taxation, 2. Aufl., 2010. – S. 149 f.

8. Case C-446/03 Marks & Spencer Pic v David Halsey (HM Inspector of Taxes), ECJ, 13 December 2005.

9. Cordewener, Axel. Europäische Grundfreiheiten und nationales Steuerrecht, 2002, S. 958 ff.

10. Lang u. a. (Hrsg.), Introduction to European Tax Law: Direct Taxation, 2. Aufl., 2010. – S. 75.

11. Case C-524/04 Test Claimants in the Thin Cap Group Litigation, judgement of 13 March 2007.

12. Case C-307/97 Compagnie de Saint-Gobain, Zweigniederlassung Deutschland v Finanzamt Aachen-Innenstadt, judgement of 21 September 1999.

В.В. Сухонос, д-р юрид. наук, профессор,
ГВУЗ «Украинская академия банковского дела Национального Банка Украины»
(г. Сумы, Украина)

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК РАЗНОВИДНОСТЕЙ КОРРУПЦИИ

О необходимости изучения причин и условий возникновения и развития преступной деятельности сегодня говорят как ученые, так и практики. Однако, о самой преступной деятельности речь в основном идет в криминально-правовом и криминологическом аспектах [1]. Считаю, что такая направленность сводится к пониманию только отдельных преступных актов. Например, В.Я. Колдин определяет преступную деятельность как основное содержание расследуемого происшествия [2, с. 66]. А.Ф. Зеленский утверждает, что преступную деятельность можно отнести к тем понятиям, о которых мы знаем все, а также определяет, что преступная деятельность – это особая разновидность человеческой деятельности [3, с. 178]. В таком же аспекте высказываются и другие ученые. Поэтому можно констатировать, что понятие «преступная деятельность» используется в основном во время описания тех или иных уголовно-правовых вопросов и делается акцент на тождественности понятий «преступление», «преступность» и «преступная деятельность». Но эти вопросы хоть и связаны между собой, однако, все же разные [4, с. 12–13]. Так, преступление – это противоправное общественно опасное деяние, осуществляемое субъектом для достижения определенной цели. Характер и набор деяний может быть очень разнообразным в зависимости от условий и использования средств для достижения цели. Преступность – это совокупность противоправных деяний (преступлений), а преступная деятельность – целенаправленные специфические способы и пути противоправного существования субъектов как социальных элементов жизнедеятельности общества, где единичное преступление уже выступает как часть (элемент) такой деятельности.

Современная преступность в Украине характеризуется новыми ее видами, масштабностью, организованностью, профессиональностью, транснациональностью, технической вооруженностью, что, в свою очередь, требует от государства определенных средств правового предупреждения и, можно даже утверждать, противостояния. Основным признаком преступной деятельности является профессиональность ее субъектов, которые имеют свои уголовные традиции. Преступная деятельность в Украине имела место и ранее [5, с. 312], однако такой транснациональный размах получила в наши дни. Поэтому сегодня, говоря о преступной деятельности, профессионализм ее субъектов надо рассматривать как: 1) высокий уровень выполнения ими противоправных преступных операций, который дает возможность достигнуть поставленной цели; 2) средство существования членов преступной организации за счет результатов своих противоправных действий.

Отмеченное дает возможность констатировать, что профессиональная преступность характеризуется совершенством преступной деятельности, которая является основным источником существования ее субъектов, а также требует специальных навыков последних. Высокий профессионализм и коррупция в государстве дает субъектам возможность довольно долго продолжать свою преступную деятельность. Я разделяю мнение тех ученых, которые считают, что именно профессионализм субъектов современной преступной деятельности способствует их объединению в преступную организацию, которая пытается получать сверхприбыль. Поэтому можно согласиться с Н. Карповым, что определяемыми признаками организованной преступности следует считать иерархичность системы и масштабность деятельности членов преступной организации. Вышеуказанное дает право утверждать, что: 1) преступная деятельность – это количественная система общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом и психологически обусловленных общей целью; 2) преступная деятельность являет собой осознанное, волевое, противоправное, целенаправленное поведение субъектов, которое отображает их отношение к окружающим, чтобы достичь поставленную цель.

Таким образом, борьба с преступностью требует постоянного исследования и не только ее составляющих, т. е. отдельных преступлений, а именно преступной деятельности как социального явления в государстве и эффективности мероприятий противодействия преступности государством.

Организованная преступная деятельность имела бы гораздо меньшие масштабы без наличия коррумпированных связей с работниками правоохранительных органов, судов, государственной власти и управления. И, следует констатировать, что, не смотря на численность научных статей о борьбе с коррупцией, на сегодняшний день в Украине еще недостаточно исследован вопрос коррупции как питательной среды для легализации полученных преступным путем нетрудовых доходов.

Список использованных источников

1. Сухонос, В.В. Борьба з відмиванням брудних коштів на ринку фінансових послуг / В.В. Сухонос // Правові регулювання відносин на фінансовому ринку: стан та напрями вдосконалення: монографія. – Суми, 2013. – С. 311–336.
2. Колдин, В.Я. Криминалистическое знание преступной деятельности: функция моделирования / В.Я. Колдин // Советское государство и право. – 1987. – № 2. – С. 66–74.
3. Зеленский, А.Ф. Криминология / А.Ф. Зеленский. – Харьков: Рубикон, 2000. – 240 с.
4. Аркуша, Л.І. Легалізація (відмивання) доходів, одержаних у результаті організованої злочинної діяльності. – Одеса, 2010. – 375 с.
5. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 415 с.

Т.В. Телятицкая, канд. юрид. наук, доцент,
БГЭУ (г. Минск)

О ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НЕВМЕНЯЕМОСТИ И НЕДЕЕСПОСОБНОСТИ

Между понятиями «невменяемость» и «недееспособность» имеется много общего. Именно поэтому их зачастую путают не только обычные граждане, но и юристы. Вместе с тем, это совершенно различные по своей сути и сфере применения категории, поэтому для правильного правоприменения различать их все же необходимо.

Вменяемость лица является одним из основных признаков субъекта правонарушения. В соответствии со ст. 4.4 КоАП Республики Беларусь, не подлежит административной ответственности физическое лицо, которое во время совершения деяния находилось в состоянии невменяемости, т. е. не могло сознавать фактический характер и противоправность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного психического заболевания.

Уголовный кодекс Республики Беларусь содержит практически аналогичную формулировку: не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т. е. не могло сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие хронического психического расстройства (заболевания), временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики (ст. 28).

В соответствии со ст. 29 ГК Республики Беларусь гражданин, который вследствие психического расстройства (душевной болезни или слабоумия) не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается опека. От имени гражданина, признанного недееспособным, сделки совершает его опекун.